

РОМАНТИКА ДЕТСТВА

О СТИХАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ А. ЕКИМЦЕВА

— А небо — это воздух, я знаю.
Вот я беру его,— мальчик протянул руку
и сжал кулачок.

—Залезть выше тучи можно, я
один раз летал на самолете.

—Подумаешь, один раз. Я уже
шесть, семь раз летал.

—А я сто один раз!

—А я триста десять!

Ребята зашумели. Разговор был
вполне искренним, никто из них и не
собирался врать.

Заработала безудержная детская
фантазия, для которой нет границ в
стремлении объять необъятное. В
большом мире всего много, и жизнь
предстоит длинная, можно и триста
десять раз подняться выше туч, почему
же нет?

Эта естественная гиперболизация
очень свойственна детям. И часто она
становится не столько выражением
детских представлений о вещественном
мире, сколько откликом на нравственно-
этические и эстетические вопросы,
встающие перед ребенком. Кроме того,
это для детей первый, самый простой и
веский довод для убеждения своих
собеседников.

В советской поэзии для детей
использование этой особенности детской
психологии традиционно. Дядя Степа
такой добрый, сильный и хороший, что и
ростом-то больше всех, фантастический
Фома, который из упрямства лезет прямо
аллигатору в пасть, до предела
рассеянный человек с улицы Бассейной,
невероятное путешествие «бегом» в
Африку, когда «папочка и мамочка
уснули вечером»... — веселое остроумие
этих выдумок берет свое начало именно в
простодушном стремлении детей к
преувеличению.

Если поэт не избегает таких
мотивов, в этом нет ничего плохого или
хорошего. Плохо, когда он банален, строя
свои стихи на повторении. Но если он
сумеет и здесь внести свежую струю, это
уже говорит о поэтической

перспективности, об индивидуальности
автора. Вот стихотворение о том, как
маленький жадина и лентяй заставляет
лесных муравьев собирать ему малину. И
муравьи, для того чтобы наказать
мальчишку, завалили его ягодами,
натаскав их целые горы. Стихотворение
написано ставропольским детским поэ-
том Александром Екимцевым, оно так и
называется «Малиновые горы». Сюжет
его оригинален: вещественный показ од-
ной из сторон, духовного облика ребенка
делает стихотворение веселым и
остроумным. Оно отлично построено, что
одно уже говорит о поэтических
возможностях автора. Начало его
спокойное, несколько замедленное, как
бы соответствующее важности и
самоуверенности героя.

Пришел я в лес, где старым пням
В тени так сладко спится,
И приказал всем муравьям
Немедленно явиться.
Забросив все дела свои,
Ко мне явились муравьи.

В середине же, где речь идет о
катастрофе, движение стиха убыстряется,
меняется настроение, но характер
маленького гордеца последовательно
выдержан.

Ну, хватит, хватит вам!— кричу,
Кричу им очень строго,—
Я сразу всю не утащу.
Малины слишком много!

Они ж не слушают меня.
В тиши лесного бора
Растут, растут средь бела дня
Малиновые горы.

Лукавый авторский юмор,
пронизывающий все стихотворение,
особенно чувствуется в симпатичной
концовке, в том детском, отчаянно
логичном решении, которое принимает
мальчишка.

Я приуныл, я сник совсем.
Ах, как все вышло скверно!
Пока малину я не съем,
Не выбраться, наверно!

Несмотря на безнадежность положения героя, стихотворение не мрачно, не пессимистично. Оно жизнерадостно именно благодаря юмору, заключенному в самой гиперболе.

А. Екимцев любит пытливый, исследовательский, размашистый ум ребенка, его ершистую мечтательность, его любознательную увлеченность. Как сделать ливень и молнию, как сделать полюшко заречное, как сделать небо и яркие звезды?— такие вопросы задает себе герой стихотворений А. Екимцева. Он многое может, но хочет все. В стихотворении «Радуга-дуга» художник обещает нарисовать на небе радугу, только нужно краски разной триста бочек, и еще триста, и еще сто, и все это надо поднять на тучи.

И тогда зимою даже
Будет радуга-дуга!

Космические масштабы детской мечты передаются автором с той простотой и ясностью, которая свойственна конкретному детскому мышлению.

Поэт создает образ маленького романтика, который, мусоля во рту кончик карандаша, забывает над своим рисунком и в своих мечтах, где он и кто, разрывает тесные узы земных возможностей, и как бы он в другое время ни понимал тщету своих желаний, сейчас, в эту минуту, самозабвенно верит в их осуществимость. Это психологически очень верный образ, в котором воплощается повседневное житейское чудо: ребенок, маленькая частичка огромного мира, не растворяется в нем, не поглощается им, а вбирает в себя, впитывает все большое, мир начинает сосредоточиваться вокруг него, входит в него огромным нравственным грузом, и чем тяжелее эта ноша, чем больше отзвуков рождается в душе ребенка, тем яв-

ственнее мерило его формирующейся взрослости. Постепенно рождается мироощущение, и уже оно теперь становится путеводителем по жизни.

У Александра Екимцева в стихах отражена та стадия в развитии мироощущения ребенка, когда все еще ново и прекрасно, все любопытно, радостно, все романтично и сказочно одушевлено. Именно об этом стихотворение «Ночью»:

Темной ночью, осторожно,
От знакомых сел вдали.
Все тропинки, все дорожки
Поднимаются с земли.
Разгибая спины, ножки,
В полный рост в полночной
мгле

Все тропинки, все дорожки
Тихо ходят по земле.

Непоседливым ребятам очень понятно это неудержимое желание путешествовать, даже просто поразмяться, им легко проникнуться сочувствием, если

Всем тропинкам надоело,
Всем дорожкам надоело
На одном лежать боку!

И все же основное здесь — таинственно-романтическое настроение, полнокровное ощущение красоты жизни, красоты земли, узнать которую можно лишь близким и любовным соприкосновением с ней.

Когда речь заходит о современности творчества того или иного автора, принято говорить о новых темах, о новых стиховых формах, о новых методах воспитания, воплощенных в образах поэзии. Но редко когда говорится о том, без чего поэзия для детей не может быть в полной мере современной.

В наше время обильной информации, когда дети знают много, умеют объяснять явления жизни, судят при этом очень здраво, очень реалистично,— зачастую умное

здравомыслие влечет за собой грубый, меркантильный подход к жизни, душевную сухость и черствость. У нас есть спецшколы для «вундеркиндов», где дети умны и уже сами считают себя умнее прочих, и есть взрослые, для которых все в жизни — эксперимент: эксперимент научный, эксперименты семейные, эксперименты добродетели или подлости в отношениях с людьми. Все начинается с детства, и с самых первых лет жизни человека нужно вводить ему профилактическое противоядие от бездушия.

Потому-то, думается, романтическое, доброе, счастливое восприятие жизни, окрашенное предчувствием или же присутствием волшебства, которое мы находим у А. Екимцева, и служит в его поэзии для детей свидетельством ее современности. Его герой—ребенок—полон всевозможными чувствами, в нем постоянно бродит интерес к окружающему, и всегда это добрый интерес. Вот стихотворение «Деревушка на сосне», где рассказывается о том, как теплый южный ветер обнаружил на сосне девяносто три избушки для скворцов, смастеренные ребятами.

А потом зашел на почту
И сказал он дятлу вот что:
Ты не в службу мне,
А в дружбу
Телеграмму дай весне.
Сообщи ей:
Обнаружил
Деревушку на сосне.

Здесь нет речи о том, что это очень хорошо, что ребята молодцы, что птицам надо помогать, здесь нет банальности. Это опять-таки живое ощущение жизни, с ее задором и сказочностью. Недаром мы встречаемся здесь снова с гиперболой (93 избушки) и с одним из любимых волшебных образов поэта:

В шубе заячьей, лохматой,
Разорвав сучком карман,

Будто сторож бородатый,
Под сосной дремал туман.

А. Екимцев пробуждает вкус к жизни, и не только тем, что останавливает внимание своих читателей на разных ее моментах, но главным образом тем, что постоянно делает открытия: это порой забавная нелепица, так импонирующая детям, порой маленькое чудо, порой просто игра.

Историю о ежике, рассыпавшем свои иголки под старой елью, рассказ о морских окуньках, которым мохнатый прибор отдал полосатые тельняшки матросов, смешные стихи о том, как ветер примерял шляпу или как из-за петушиной драки исчезло в пуху солнце, поэт находит рядом с собой. А если говорить о том, «что творится за горами», «что творится за морями», то, конечно, там волшебные страны, полные веселых сказок. Там такие чудеса, о которых можно рассказывать, только хорошо зная детскую психологию, с характерным сочетанием в ней юмора и доверчивости.

Там в дупле кривой осины
Пауки плетут корзины,
Ветерок, сбегав с горы,
Надувает всем шары...
Полосатые пижамы
Шьют детишкам зебры-мамы...

Над рекою в кузне новой
Гром кует блохе подковы.
По дорожке, что в овсе,
Мчится пыль на колесе.

И т. д. в двух стихотворениях, где что ни двестише, то новая фантазия.

Эмоциональная правда стихов для детей не только в истине обрисованной ситуации. Она прежде всего в целостности мироощущения, настроения, тона стихотворения. Поэт, который пишет для детей, должен прежде всего уметь быть счастливым. Счастлив Пушкин, повествуя в сказках о таких чудесах, «что не можно глаз отвесть», счастлив Некрасов в «Дедушке Мазае»... Что уж

говорить о Чуковском и Маршаке! Жизненные невзгоды, которые взрослые привычно переносят как естественную закономерность, ребенок стремится уничтожить, оттолкнуть от себя, воспринимая всякую боль и трудность, как катастрофу.

Редкий ребенок выслушает без слез «Айболита»:

А рядом бегемотики
Схватились за животики,
У них, у бегемотиков,
Животики болят...

Но ведь «Айболит» учит радоваться. Чем больше воспринимается горе бедных зверят, тем острее и полноценнее радостное завершение книжки. А разве поучительный «Мойдодыр» — это не история радостного, счастливого возрождения, где полнота жизнелюбия выражена с такой силой, что, кажется, сами слова купаются и плещутся в блестящей воде! Вселить в детскую душу чуткую любовь к миру, дать возможность будущему взрослому соединить свои первые счастливые ощущения с серьезным и вдумчивым отношением к жизни — к этому стремится А. Екимцев в своем творчестве. И это ему очень часто удается.

В стихах А. Екимцева много движения, причем именно такого, которое рождается любознательностью, детской радостью узнавания, добрыми делами или просто веселым озорством. Это движение передается в стихах бойкими, живыми ритмами, порой даже скороговоркой.

Эй, дорожки, эй, дорожки,
Не устали ваши ножки?
Отвечали три дорожки,
Три дорожки-длинноножки:
«Мы с Сережей и Галей
Далеко не убегали.
Только были с ними в поле,
Только были в новой школе.
Только были на покосе,
Только были в шумном просе.

Только были мы на грядках
Да во ржи играли в прятки,
Да в березовом лесу
Пили с птицами росу.

Конкретное слово, конкретное понятие здесь не существуют сами по себе. Они все сливаются в единое представление о детстве, с его огромным разнообразием впечатлений, создающих определенный жизненный тонус, рождающих определенный характер. Это характер, чуждый всякого равнодушия, всякой душевной лжи.

Совершенно естественно, подчиняясь тому же жизнерадостному и деятельному мироощущению, рождается в одном из стихотворений А. Екимцева ставший традиционным в детской поэзии сатирический образ «мастера-ломастера» Васи Васина, который всегда таскал с собой

Семь рубанков,
Два точила,
Восемнадцать молотков,
Связку сломанных подков

и еще много разных нужных вещей. Несмотря на традиционность героя, в этом стихотворении все своеобразно: и четкий, игровой ритм с нарастающим усилением темпа, и характерное обрамление сказочными образами из мира природы (сто сорок разносят объявления о необыкновенном новом мастере), и, наконец, та особенность, о которой уже говорилось как одной из ведущих в творчестве поэта: конкретность гиперболы, умелая и точная передача детского максимализма.

Детство любит сказки. Как чудо, предстает перед детьми мир, с громом и снегом, с цветами и бабочками, со светом и тьмой, с невероятным разнообразием живых существ. В стихи А. Екимцева сказка приходит непринужденно, просто, приходит потому, что он пишет о жизни, о мире, воспринимаемом глазами ребенка. Пожалуй, нет ни одного стихотворения в сборнике «Дедушка туман», которого не коснулась бы

волшебная, добрая и веселая рука сказки. И в этом заключается притягательная сила всей поэзии для детей А. Екимцева. По-взрослому слушает поэт зимнюю вьюгу, передавая ее завывания круговыми интонациями стиха («Вьюга»). И одновременно как хорошо переданы здесь детские эмоции, какой ребячьей наивностью наделено представление о вьюге, которая сама себе замела дороги, не может выбраться и потому плачет! Так же полон детской непосредственности и другой сказочный образ А. Екимцева, «дедушка туман», в одноименном стихотворении, заглавием которого назван весь сборник. Симпатичный, рассеянный дед поребачьи набил свои карманы сокровищами:

Лес — в карман,
Поля — в карман
Спрятал
Дедушка туман.
Спрятал
Копны и стога,
И лужайки,
И луга.
Даже солнышко
В карман
Спрятал
Дедушка туман.

А потом, забыв про дырку в кармане, растерял эти богатства: так возникла динамичная картина пробуждающегося утра, одушевленная наивно-детским и в то же время поэтическим восприятием.

А. Екимцев любит писать о природе. Она у него всегда ласкова, всегда добра.

В сборнике «Дедушка туман» три части. Наиболее богата по содержанию и разнообразию стихов первая, названная «Речка учится писать». Что касается второй части, «Неосторожный гром», то здесь внимание останавливает лишь несколько стихотворений: «Гром-кузнец», «Осенним вечером», «В лесу» (в них любимая автором живая природа), «Первый снежок», «Варежки» (симпатичные миниатюры для самых

маленьких), стихи «Осень» и «Березы».

В остальных же стихах этой части преобладает созерцательность, лишь с проблесками истинного чувства, встречаются надуманные образы. Вот, например, одно из таких стихотворений «Арбуз»:

До утра по огороду
Ползал он на животе.
Все искал, искал он воду —
Не нашел воды нигде.
Был он в каждой борозде —
Не нашел воды нигде.
Лишь испачкался, бедняжка, —
В пятнах вся его рубашка.

Можно назвать и некоторые стихи из других частей сборника, которые гораздо ниже творческих возможностей автора. Это, например, «Бабочка», «Лето», «Арбузы уезжали», «Речка учится писать», «После дождя», «Сенокос», «До свидания», «Белый ливень». В стихотворении «Ледоход» все содержание сводится к звукописи, довольно удачно передающей треск ломающихся льдин. Может, как эксперимент, это неплохо, но в таком случае адрес его должен быть иной.

А. Екимцев обладает своим, совершенно индивидуальным мироощущением, без чего нет подлинного поэта.

У него есть слабые строчки, иногда попадаются стихи недостаточно мастерские, но нет фальши и неискренности. Поэтому стихи его, без всяких моральных сентенций, наверняка достигнут воспитательной цели. Они учат любить природу, полнокровно ощущать жизнь, чутко реагировать на все хорошее. Они учат запомнить навечно журавлиное небо и плач вьюги, старые пни с наморщенными лбами и седую бороду предутреннего тумана, и таких забавных колючих ежей в грибном лесу, и весенний гомон грачиный, и зеленый солнечный шумок, бегающий по школе, цветастую радугу своего детства, которая, запомнившись, вольется в необъятный

образ Родины. В сборник включена поэма «Брянский лес», занявшая недавно третье место в конкурсе на лучшее произведение для детей о Великой Отечественной войне. Поэма рассказывает о борьбе брянских партизан с фашистами, но героем ее является лес, могучий богатырь,—

Друг
Непуганых птиц —
И щеглов и синиц,
Снегирей, глухарей,
Друг мохнатых зверей.

Брянский лес символизирует силу всей советской земли. Он не просто лес, он одушевлен так же, как и вся природа в других стихах А. Екимцева, он умный друг для тех, кто защищает Родину, и непримиримый враг для зверей-фашистов.

Партизану из-за пня
Подорожник шепчет:
«К ране приложи меня —
Сразу станет легче!»
Шепчет мох:
«И я не прочь
В трудный час тебе помочь...»

А когда фашисты стремятся выведать у леса партизанскую тайну, лес наполняется угрожающими звуками, встает враждебной стеной:

Расшумелись глухо сосны,
Ель вздохнула тяжело.
На врагов взглянуло косо
Одноглазое дупло.
Ухнул филин. Каркнул ворон.
Обернулся куст ежом.
Прошлогодних листьев ворох
Прошуршал в траве ужом.
Из-за сосен, из-за взгорья
Солнца луч блеснул штыком.
Молчаливо черный корень
Погрозил им кулачком.

Это лес-воин. Фашисты убивают его, как убивают героя-партизана, которого им удалось захватить. И когда

поэт рисует гибнущий Брянский лес, в поэме его звучат истинно трагические ноты, глубокая боль, настоящее страдание:

Потускнела сосен медь.
Иволга в тревоге.
Стонет раненый медведь
У своей берлоги.
Черным взрывом опален,
Развернувшись слепо,
Все цеплялся старый клен
За родное небо.
Одному ль ему лежать?
Подбежав к обрыву,
Вяз пытался поддержать
Раненую иву.
Да и сам не устоял —
Рухнул с нею рядом.
Был убит он наповал
Огненным снарядом.

Образ леса в поэме очень емкий. В нем доброта сильного и ласковость защитника, в нем стойкость героя и беспомощность красоты, простое и сильное выражение патриотизма. Поэма написана ярко, свежо, в ней много разнообразных ритмов, в зависимости от выражаемой мысли. Когда речь идет о врагах, ритм напряженный, жесткий. Когда же поэт рассказывает о партизанах, о лесе, то здесь берут верх песенные ритмы, печальные, раздумчивые. Поэма заканчивается прекрасной картиной мирного Брянского леса, подносящего гостю землянику и сладкий кленовый сок.

Хоть осколки под корой
С давних пор засели —
Он по-прежнему могуч,
И могуч и зелен.
И, как прежде, держит вись,
Держит синь и тучи,
Богатырь богатырей —
Брянский лес дремучий.

ТАТЬЯНА ЧЕРНАЯ.